

Торканевский, А.А. Юстин Философ – виднейший представитель христианской апологетики II в. н. э. / А. А. Торканевский // Лістападаўскія сустрэчы-8 [Электронны рэсурс]: зб. арт. па матэрыялах Міжнар. навук. канф. у гонар акадэмікаў М. М. Нікольскага і У. М. Перцава / навук. рэд. В. А. Фядосік, І. А. Еўтухоў. – Мінск : БДУ, 2011. – Рэжым доступу : <http://www.elib.bsu.by>, абмежаваны. – С.92-97

А. А. Торканевский

ЮСТИН ФИЛОСОФ – ВИДНЕЙШИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ХРИСТИАНСКОЙ АПОЛОГЕТИКИ II в. н. э.

В истории христианской церкви II в. личность Юстина Философа занимает особое место: этот церковный писатель является одним из первых апологетов (защитников) христианства. В церковной традиции Юстин получил сразу два титула – «Мученик» и «Философ». Первый – за то, что окончил жизнь мученичеством (был казнен за свидетельство христианской веры), второй – за то, что был привержен философии до того, как стал христианином, а затем способствовал примирению христианства и философии. Кроме того, будучи уже христианином, он продолжал носить традиционный плащ философа (паллий).

Знаменитый французский исследователь античного христианства Э. Ренан, отмечая, что труды Юстина имели огромное значение для ранней церкви, называл его «первым христианским доктором в классическом смысле этого слова» [1, 197].

Примечательно также, что Юстин держит пальму первенства по ряду других аспектов. К примеру, среди христианских богословов он был одним из первых представителей-интеллектуалов греко-римского общества, обратившимся в христианство. В трудах Юстина находят одно из самых ранних свидетельств почитания Девы Марии [2, 42]. По-видимому, самое раннее сохранившееся описание евхаристии тоже содержится у Юстина (I Апол., 65–67). Примечательно и то, что у Юстина прослеживается ранний вариант формулировки символа веры христианской церкви [3, 201; 4, 176]. Кроме того, приводимые Юстином свидетельства ветхозаветных пророков об Иисусе (I Апол., 30–60) являются одним из первых сводов мессианских пророчеств Ветхого Завета. Одним из первых Юстин высказал мнение о том, что античная философия была «своеобразным приготовлением мира к принятию христианства, подобно тому, как Моисеев закон подготавливал к этому иудеев» [5, 77].

В то же время о жизни самого Юстина известно относительно мало. Так о себе он сообщает следующее: «Иустин, сын Приска, внука Вакхия, уроженцев Флавии Неаполя в Сирии Палестинской» (I Апол., 1). Точная дата его рождения неизвестна, однако принято считать, что апологет родился в первую декаду II в. Также из собственного произведения Юстина

«Разговор с Трифоном Иудеем» становится известно, что до принятия христианства уже в зрелом возрасте он долгое время изучал учения различных философских школ. Но однажды, после встречи и общения со старцем-христианином, он сам принимает

христианство. Затем Юстин много путешествует и, наконец, основывает в Риме христианскую философскую школу, где также пишет ряд сочинений. Из них полностью сохранились лишь две «Апологии» и «Разговор с Трифоном иудеем». По-видимому, школа Юстина была весьма популярной и из нее вышло немало учеников, наиболее известным из которых был Татиан. Обычно казнь апологета датируют периодом 165–168 гг. За свое мученичество Юстин был причислен церковью к лику святых.

Уже в Риме Юстином были написаны и поданы императорам две апологии, составленные соответственно около 150 г. и в 1-й половине 60-х гг. II в. [6, 28]. Эти произведения представляют большой интерес, как памятники, отражающие непростые взаимоотношения христианства и язычества. Целью написания апологий было стремление защитить христиан от нападков со стороны язычников. Судя по этим документам, христиан приговаривали

к смертной казни за одно только имя (I Апол., 4). Поводом для написания второй апологии явился конкретный случай казни римским префектом Урбиком трех христиан только лишь потому, что те открыто исповедали свою веру (II Апол., 1, 2). Отсюда Юстин пытался доказать, что несправедливо наказывать христиан только потому, что они христиане, если те не совершили преступления. Он неоднократно подчеркивал, что его собратьев по вере

«ненавидят за имя Христово, и без всякой вины, как преступников, предают смерти» (I Апол., 24). Апологет стремился донести до язычников правду о христианах и показать, что они вполне добропорядочные граждане империи. Для этого он раскрывал некоторые моменты христианской этики (I Апол., 10, 12), излагал основы христианского вероучения (I Апол., 21, 52) и описывал собрания христиан (I Апол., 65–67).

Одним из центральных вопросов, рассматривавшихся Юстином в «Апологиях», была проблема соотношения христианства с языческой культурой и, в первую очередь, с философией. По словам русского богослова И. Мейендорфа, интеллектуальным кругам христианства необходимо было найти «параллели между греческой философией и христианской мыслью, но одновременно представить языческую философию предшественницей христианства, а христианство – откровением того, что языческая философия лишь предчувствовала» [2, 39]. Очевидно, что для того, чтобы быть услышанным и понятым императорами-язычниками, которым адресовались апологии, Юстину необходимо было говорить с ними на одном языке, т. е. найти точки соприкосновения в диалоге. Языческая религия, мифология, философия, литература – в какой из этих сфер можно было находить объединяющий мотив? Для писателя-философа, конечно, ответ был однозначным. Необходимые точки соприкосновения он находит в античной философии. Тем более, что его труды адресовались не просто императорам, а мудрым

императорам-философам (Антонину и Марку Аврелию). Юстин выдвигает идею о том, что античная философия являлась своеобразным фундаментом, готовившим языческий мир к принятию в будущем благой вести христианства. Так, апологет утверждает, что многие из философов отчасти познали Слово Божие (II Апол., 8, 10, 13) и говорили «о бессмертии души, о наказаниях по смерти, о созерцании небесном» (I Апол., 44). Причем более всего он симпатизирует Сократу (II Апол., 7, 10). Но поскольку Откровение было дано Богом в первую очередь иудейским пророкам, то античные философы получили это знание уже от них (I Апол., 44). Здесь же Юстин не забывает напомнить, что «Моисей древнее всех греческих писателей» (I Апол., 44). Прямые заимствования из ветхозаветных авторов Юстин находит, к примеру, у Платона (I Апол., 59). Впрочем, иудейских

пророков автор особо не выделяет, более того, относит их к варварским народам: «Те, которые жили согласно со Словом, суть христиане, хотя бы считались за безбожников: таковы между эллинами – Сократ и Гераклит и им подобные, а из варваров – Авраам, Анания, Азария и Мисаил, и Илия и многие другие» (I Апол., 46). Здесь наблюдается тенденция показать эллинов-язычников в более выгодном свете, чем иудеев, вероятно, чтобы расположить к себе императоров. Отсюда Юстин неоднократно под-

черкивает преимущество христиан из язычников над иудео-христианами:

«...христиане из язычников многочисленнее и ревностнее христиан из Иудеев и самарян» (I Апология, 64), «верующие из язычников были предузнаны, как ревностнейшие и твердейшие в вере» (I Апол., 53). Тут очевидно указание на преобладание среди христиан неевреев. Более того, апологет обвиняет иудеев в том, что они, «имеющие в руках пророчества и всегда ожидавшие пришествия Христа, не узнали Его, и не только не узнали, но и отвергли, а язычники, никогда не слышавшие о Христе дотол, пока апостолы Его не пришли из Иерусалима, не возвестили о Нем, и не сообщили пророчеств, – с радостью и верою отстали от идолов и предались через Христа» (I Апол., 49). Снова язычники показаны в более выгодном свете. Позже уже в III в. мнение Юстина о том, что и в философских школах язычников содержалась доля истины, поддержал Климент Александрийский (Строматы, I, 87).

Признавая некоторые достоинства эллинской философии, Юстин в то же время остро критикует языческую религию и нравы современного ему языческого общества (II Апол., 12). Причем здесь опять имеет место сравнение, но уже не в пользу язычества, как это было с философией. Противопоставляя языческие нравы, диктуемые мифами о богах, и христианские нормы поведения, он выявляет пороки языческого общества, а заодно и опровергает обвинения язычников против христиан (I Апол., 21, 53, 54, 64; II Апол., 12). С другой стороны,

апологет выделяет и положительный момент в языческой религии. Перечисляя языческих богов, он называет мифы, с ними связанные, и находит некоторые параллели с библейскими повествованиями (I Апол., 20–23). Таким образом, подтверждается мысль о том, что, сочиняя мифы, античные писатели интерпретировали библейские сюжеты. Это также, по мнению автора, содействовало подготовке языческого мира к принятию в будущем христианства.

Волновала Юстина и популярная у раннехристианских авторов тема эсхатологии. Но ко времени написания им апологий эсхатологические чаяния в значительной степени уже угасли. Поэтому автор объясняет отдаление «второго пришествия» следующим образом: «А что Бог медлит привести это

в исполнение, то это делается для рода человеческого; ибо Он предвидит, что некоторые спасутся через покаяние, некоторые даже, может быть, еще и не родившиеся» (I Апол., 28). Характерно, что это объяснение Юстин неоднократно повторяет (I Апол., 45; II Апол., 7). Также он довольно часто акцентирует свое внимание на том, что в итоге все грешники, а вместе с ними и демоны, понесут «вечное мучение в огне за грехи» (I Апол., 17, 18, 21, 28, 52; II Апол., 1, 7, 8).

Итак, изучение жизни и трудов виднейшего представителя римского христианства середины II в. Юстина Философа позволяет сделать вывод о богатой

интеллектуальной жизни христианской общины Рима того периода. Произведения Юстина были направлены на решение внешних проблем молодой религии, поскольку рассматривали вопросы взаимоотношения христианства с язычеством. Главной особенностью сохранившихся литературных трудов Юстина является тот факт, что они были адресованы в первую очередь современному им языческому читателю. Наиважнейшие его труды (обе «Апологии») были адресованы римским императорам. О том, что автор стремится расположить к себе именно языческого слушателя, может свидетельствовать и тот факт, что он постоянно подчеркивает преимущество язычников над иудеями. Более того, Юстин является двойным апологетом. С одной стороны, он защищает христианство перед язычеством, а с другой – он пытается оправдать античную философию (которая была ему дорога) перед лицом христианства. Возможно, что Юстин был склонен не только к диалогу, но и к некоторому компромиссу (в разумных и весьма ограниченных пределах) с язычеством, а общий тон его апологий называют примирительным [7, 76].

В любом случае апологии Юстина – это первый подобный открытый диалог христианского автора с язычеством. В некотором смысле немного дерзкий, это первый смелый шаг христианства, его вызов языческой интеллектуальной элите, показывающий, что новая религия не намерена ограничиваться Палестиной и иудейской диаспорой, а претендует на нечто большее.

Литература

1. *Ренан, Э.* Христианская церковь / Э. Ренан. – Терра, 1991.
2. *Мейендорф, И.* Введение в святоотеческое богословие / И. Мейендорф. – Минск: Лучи Софии, 2001.
3. *Каледа, Г.* История апологетики в первые века христианства / Г. Каледа // Альфа и омега. – № 3 (37). М., 2003. – С. 199–215.

96

4. *Ленцман, Я. А.* Происхождение христианства / Я. А. Ленцман. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.
5. *Бычков, В. В.* Эстетика поздней Античности (II–III вв.) / В. В. Бычков. – М.: Изд-во «Наука», 1981.
6. *Wielkie daty chrześcijaństwa* / Pod redakcją François Lebruna. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1997.
7. *Скурат, К. Е.* Святые отцы и церковные писатели доникейского периода (I–III вв.) / К. Е. Скурат. – М.: СТСЛ, МДА, 2005.

97